

УДК 94(57)
ББК 63.3(2Р5)

Формирование городских поселений Байкальской Сибири в контексте особенностей сибирской урбанизации

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена вопросам формирования городских поселений Байкальской Сибири. В ней рассмотрена история появления первых русских городов и острогов, причины их дальнейшего развития. Проанализировано соотношение официальных городов и поселений городского типа: острогов, пригородных слобод и заводских поселков, а также их взаимоотношений с сельской округой.

Ключевые слова: урбанизация, Байкальская Сибирь, городские поселения, остроги.

Среди методологических аспектов российского городоведения есть такие, слабая разработанность которых сдерживает изучение истории города, затрудняет создание полной и адекватной картины состояния феодального города. К ним, прежде всего, следует отнести проблему типологии городов. Неопределенность понятия «город» приводит к появлению значительного разброса данных о численности городов и городского населения в исторической литературе, открывает возможность для проявления исследовательского субъективизма. К этой проблеме обращались такие известные специалисты, как Я. Е. Водарский, М. Я. Волков, П. Г. Рындзюнский, Ю. Р. Клокман, М. Г. Рабинович, А. Н. Сахаров и др., из сибирских историков О. Н. Вилков и Д. Я. Резун [14, с. 165–187]. Все они изучали, главным образом, историю раннефеодального и феодального города. Между тем, как справедливо заметил один из наиболее авторитетных в настоящее время исследователей российского города Б. Н. Миронов, общего определения города для всего периода его существования найти невозможно [15, с. 15]. Поэтому критерии XVII – первой половины XVIII вв. далеко не всегда подходят для городских поселений более позднего времени. Именно Миронову принадлежит заслуга разработки этой сложной методологической проблемы применительно к российскому городу переходного периода. Соглашаясь с его подходом к городу как многофункциональному, интегрирующему социальному организму со специфическим укладом общественной жизни, следует все же заметить, что, во-первых, сибирский город он не затрагивал, оставляя его изучение местным историкам, а во-вторых, в итоге всех своих умозаключений Б. Н. Миронов пришел к традиционной для историографии точке зрения, которая относилась к

городским поселениям только официально учрежденные города и посады [15, с. 18–19].

Не беремся судить, насколько это справедливо в отношении российских городов, но незавершенность горообразованиевых процессов на сибирских окраинах, региональная специфика не позволяют полностью распространить на сибирский город определение Б. Н. Миронова. Далекое не всегда официальный город в Сибири являлся таковым в действительности. Здесь было немало городов, численность населения которых составляла всего несколько сот человек. В то же время некоторые поселения, не имевшие городского статуса, насчитывали по несколько тысяч жителей. По стандартам конца XVIII – первой половины XIX вв. города с населением свыше 25 тыс. относились к большим городам, от 5 до 25 тыс. – к средним, менее 5 тыс. – к малым [15, с. 22]. В Байкальской Сибири все было иначе. Только Иркутск можно было отнести к большим, остальные города не подходили под параметры даже среднего. В соответствии с Уставом 1822 г. М. М. Сперанского сибирские города разделялись на три разряда в соответствии с количеством проживающего в них населения: многолюдные, средние и малолюдные. К первым был отнесен только Иркутск. Во вторую группу вошли Нерчинск, Верхнеудинск и Троицкосавск. Малолюдные города – Нижнеудинск, Киренск, Селенгинск, Баргузин – составили третью группу.

Официальная статистика к городам относилась только административные центры губерний и уездов или являвшиеся таковыми в прошлом. Многие из них ни по числу жителей, характеру их занятий, ни по экономическим параметрам не соответствовали понятию «город». В то же время в стране было значительное количество населенных пунктов с достаточным количеством жителей, развитой торговлей и промышленностью, которые причислялись к сельским или иным поселениям. Так, в Сибири существовали зачастую на правах города остроги с посадским населением, пригороды, подгородные слободы, горнозаводские промышленные поселения. Они отличались более сложной, чем сельские поселения, социальной структурой своих жителей и вместе с крупными городскими поселениями играли важную роль в формировании и реализации товарно-денежных отношений. Все эти поселения не только были тесно связаны с окружающей их сельской округой, но и являлись важным звеном в межлокальных хозяйственных связях крупных городов и территорий в целом, поэтому «около крупнейших экономических городских центров быстро вырастают вспомогательные, более или менее значительные города» [24, с. 87]. Более того, в тех территориях, где город только формировался или был слабым, эти малые города и поселения брали на себя выполнение хозяйственных функций, формируя экономическую иерархию поселений в рамках существующего регионального рынка. Ибо, как отмечал Ф. Бродель: «Не было ни одного города, ни одного городишки, у которого не было бы своих деревень, своего подчиненного клочка сельской жизни, который бы не навязывал своей округе своего рынка, пользование своими лавками, своими мерами и весами, своими ростовщиками, своими законниками и даже развлечениями» [2, с. 512]. Кроме того, сибирские города находились в

значительном территориальном отрыве друг от друга, что затрудняло интенсивное не только экономическое, но и даже личностное общение горожан. Еще иркутский губернатор начала XIX в. П. Н. Корнилов писал о необходимости радикального увеличения городских поселений в крае. «Ныне города в Сибири так редки, что в самых населеннейших местах один от другого отстает от 250 до 500 верст. Какое неудобство, какое затруднение предстоит крестьянам того края на торжищах их сбывать свои продукты! На сколько времени должен он оставить дом свой! Сколько времени потеряет он в одних проездах!» [10, с. 20]. Поэтому остроги и поселки, даже самые малые, наполняли сельскую округу «городским сознанием» и отчасти возмещали недостаток городов в регионе.

Основная часть городских поселений Байкальской Сибири возникла в ходе присоединения и освоения территории Восточной Сибири в середине и второй половине XVII в. Многие из них появились вначале как ясачные зимовья или острожки. Все они выполняли на первом этапе своего становления чисто военно-административные задачи, заключающиеся в сборе ясака с коренного населения и охране подведомственных и пограничных территорий. Постепенное превращение таких крепостных сооружений в крупные остроги, а затем в города свидетельствовало об умело выбранном месте, жизнеспособности поселения, формировании вокруг него устойчивых хозяйственных связей. Дальнейшее их развитие было теснейшим образом связано со спецификой социально-экономических, общественных и культурно-бытовых процессов, ролью и местом в истории края. Различной была судьба городских поселений Байкальской Сибири. Одни рано оформились как значительные административные и торговые центры локальных территорий (Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Кяхта). Большинство же городов региона оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли (Киренск, Нижнеудинск, Баргузин). Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхоленск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена, но постепенно превратились в сельские поселения (Илимск, Селенгинск).

В конце XVIII в. на территории Байкальской Сибири размещалось 11 городов с общим числом жителей до 17 тыс. человек [ОР РГБ. Ф. 20. К. 4 об.–13. Д. 12. Л. 11]. К 1830-м гг. численность городского населения возросла в 1,5 раза и достигла 26,2 тыс. человек. Наиболее крупным административным и торгово-промышленным центром был Иркутск. В нем проживало две трети всего городского населения. В губернском центре было сконцентрировано более 60 % купечества и мещанства, 83,5 % цеховых ремесленников [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 605. Л. 28–29]. В течение XIX в. наблюдался стабильный рост численности городского населения Иркутска. Если в 1833 г. в нем насчитывалось чуть более 16 тыс. жителей, то уже к 1864 г. их количество выросло до 26,5 тыс. человек [7, с. 139].

Большое значение для развития горообразованием процессов Восточной Сибири имело социально-экономическое развитие Иркутска. При

этом будет не совсем правильно утверждать, что Иркутск с самого начала, как, например, Енисейск возник как «многофункциональное поселение». Более справедливо говорить о том, что «Иркутск вырос не на базе местных связей Прибайкалья, а на основе межрайонных связей; он развивался как промежуточный пункт на пути, связывающий Забайкалье с центром страны, как пункт, через который проходила торговля с Китаем и Монголией» [8, с. 12]. Пока русские владения за Байкалом были незначительны и во многом ненадежны, Иркутск играл «скромную роль», но с укреплением России в Забайкалье его роль как ведущего административно-хозяйственного центра Байкальской Сибири стала быстро расти.

Дальнейшее заселение Забайкалья русскими поселенцами, возникновение там первых городов, острогов, слобод и деревень стимулировало местное иркутское производство, открывая ему новые возможности для сбыта своих товаров; с другой стороны, постепенное насыщение забайкальского рынка различными продуктами и товарами своего забайкальского производства, а также доходы, получаемые иркутскими предпринимателями и торговцами от своего монопольного положения за Байкалом, позволяли им более интенсивно и успешно вкладывать свои капиталы в развитие региона, прежде всего торгово-промысловую инфраструктуру. Счастливым обстоятельством в судьбах Иркутска было то, что здесь административные преобразования удачно сопутствовали наметившимся тенденциям городского развития: в 1682 г. Иркутск становится центром самостоятельного воеводства, в 1686 г. он утверждается в звании «города», в 1722 г. становится провинциальным, с 1764 г. – губернским городом, а после реформ М. М. Сперанского центром крупнейшего Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В результате в Иркутске сложились не только многочисленные предпринимательские слои, но и довольно значительный слой дворянства, чиновничества и военных, которые своими запросами и потребностями еще в большей степени способствовали горообразовательным процессам [7].

Наиболее крупными городами Забайкалья были Верхнеудинск и Селенгинск. Объединяло их то, что они располагались на одной и той же реке, и были тесно связаны с развитием торговых связей с Монголией и Китаем. Пока существовала караванная торговля с Китаем, центром которой был Селенгинск, город был на подъеме. Здесь находилась резиденция воеводы, при котором действовали канцелярия пограничных дел, таможенное управление, военные и артиллерийская команды. Долгое время военных здесь было даже больше, чем гражданского населения. Городской магистрат Селенгинска управлял делами подведомственных ему жителей Верхнеудинска и Кяхты. С отменой караванной торговли и переносом всех обменных операций в Кяхту Селенгинск постепенно теряет роль экономического центра Забайкалья, уступив Верхнеудинску в 1783 г. и главенство в административных делах. На развитии города сказалось также его неудачное местоположение на низком и песчаном месте, постоянно заливаемом разливами реки. «Невозможно выбрать худшего местоположения как сие», – отметил в своих записках англичанин Дж. Белл, проехавший через Селенгинск в мае 1720 г. [1, с. 68]. До-

вершили упадок города два страшных пожара 1780 г., уничтожившие почти все постройки [12, с. 86]. Несмотря на то, что город удалось в основном восстановить, и были даже построены новый каменный собор и гостиный двор, в нем уже не было «видно ни благородства, ни достатка». Кроме того, Селенгинск регулярно подвергался песчаным заносам и наводнениям. Потеряв свое бывшее экономическое и политическое значение, он постепенно превратился в заштатное поселение, в котором осталось всего 230 ревизских душ. «Вид с берега походит на город, – отмечал В. Паршин, – но самый город внутри не принадлежит ни к селу, ни к городу... Средства города очень малые, способы приобретения тоже. Он оживлялся прежде торговлею, а теперь каждый год для него как лишнее бремя старости» [18, с. 71]. В 1822 г. он был переведен в разряд «заштатных» городов Верхнеудинского уезда. Почти всю первую треть XIX в. шло обсуждение вопроса о переносе города на левый берег Селенги. Пока шла переписка о переносе города, новое наводнение 1838 г. привело к новым значительным разрушениям. По официальным сведениям, вода «некоторые дома засыпала до половины песком, другие разрушила и опустошила почти весь город» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 112. Л. 39 об.]. В октябре 1840 г. последовало, наконец, распоряжение Сената о переносе Селенгинска на новое место в урочище Тоенское.

Верхнеудинск же, напротив, постепенно становился главным торговым центром Забайкалья, направляя товаропотоки как в верховья Селенги, так и по Уде в Восточное Забайкалье. Возвышение его во многом было опосредовано выгодным географическим местоположением: город расположился на р. Уде в таком месте, что ни один караван, идущий с Байкала в Даурию или наоборот, не мог его обойти; причем, соседние города находились примерно в равном расстоянии от него – до Иркутска 295, до Нерчинска 665, до Селенгинска 110, до Кяхты 203, до Баргузина 308, до Доронинска 554 версты [16, с. 80].

В 1768 г. в городе была учреждена ежегодная ярмарка, еще более повысив его роль в формировании торговых связей региона. С 1783 г. Верхнеудинск приобретает статус уездного центра. С этого времени начинается его быстрый рост. Уже к 1805 г. численность его жителей возросла в три раза, и продолжала расти. Торговый характер Верхнеудинска подчеркивал даже герб, утвержденный в 1790 г. На нем были изображены жезл Меркурия и рог изобилия «в знак того, что в сем городе производится знатный торг и условия о торге» [16, с. 81].

В отличие от других городских центров Байкальской Сибири, выросших в основном из острогов, появление Кяхты было вызвано необходимостью упорядочить русско-китайскую торговлю и привести ее в соответствие с международными договорами. В июне 1727 г. в пустынной широкой долине небольшой речушки Кяхты была заложена крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее была основана торговая слобода Кяхта. Хотя в официальных документах XVIII в. Кяхта называлась форпостом Троицкой крепости и действительно имела укрепления, ей суждено было длительное время играть важнейшую торговую роль как единственного пограничного пункта всей обширной меновой торговли между Россией и Китаем. В этом качестве

Кяхта заметно отличалась по своему статусу и даже внешнему виду от других городов региона, являясь общероссийским центром международной торговли.

История Кяхты – это пример удачного регулирования государством градообразовательных процессов. Торговля наложила заметный отпечаток на застройку и характер домостроения в Троицкосавской крепости и Кяхтинской слободе. Фактически они представляли собой единое городское пространство. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города, и здесь формируется основная городская инфраструктура. После того, как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключения купечества, непосредственно участвующего в торговых операциях, она превращается в элитный пригород города, застроенный добротными купеческими особняками, в том числе и каменными. Следует отметить, что благосостояние жителей и самого города всецело зависели от состояния торговых дел на границе. Эта взаимосвязь, несомненно, сказывалась на внешнем облике города и слободы. Как отмечали современники, трудно было не заметить, «что от многомиллионных оборотов на границе немало рублей перепадает и горожанам» [13, с. 117]. В 1829 г. в Троицкосавске насчитывалось 4054 жителя и 542 дома, а в Кяхтинской слободе – 326 человек и 82 здания [1, с. 92].

В середине XIX в. Троицкосавск и Кяхта фактически составили своеобразную англомерацию, объединенную одним экономическим пространством и задачами. С 1851 г. они и административно были сведены в единое Кяхтинское градоначальство. К этому времени в Троицкосавске проживало 5,8 тыс. жителей и еще 594 человек в Кяхтинской слободе. Город отличала насыщенная торговая инфраструктура, включавшая два деревянных и два каменных гостиных двора, в которых насчитывалось 155 лавок, хлебный, сенной и «съестной» рынки, купеческие лавки и магазины. Словом, сам вид города и его роль в развитии русско-китайских торговых отношений вполне отвечали утвержденному в 1846 г. гербу Троицкосавска в виде рога изобилия, из которого сыпались золотые монеты. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. В 1850-х гг. торговый оборот градоначальства составлял более 30 млн руб. в год. Здесь официально было зарегистрировано 58 торговых фирм [6, с. 141]. В 1862 г. в самой торговой слободе состояло 276 купцов и находилось 165 торговых лавок. С переносом таможни в Иркутск в 1861 г. и изменением самого хода торговли России и Китая было упразднено особое управление Троицкосавском. Город вместе с Кяхтинской слободой вошел в состав Забайкальской области и был передан под ведение областного начальства, как и другие города края.

Самый восточный город Иркутской губернии Нерчинск, бывший когда-то воротами в русскую Даурию, переживал в XVIII в. не лучшие времена. Его былая слава и роль главного центра русско-китайского торга осталась в прошлом столетии. Уже к 1726 г. острог обветшал, а часть крепостных сооружений была унесена водой во время частых разливов р. Нерчи. Г. Ф. Миллер в 1735 г. отмечал, что крепость «...большой частью сгнила и развалилась и совершенно не в состоянии служить городу защитой при вражеском нападении» [1, с. 57]. Вне крепости находились две церкви – каменная Троицкая и

деревянная Воскресенская, городская ратуша, таможня с купеческими лавками и 145 жилых дворов. Некоторое оживление городской жизни в Нерчинске происходит в середине XVIII в. В эти годы город становится местом пребывания секретной Нерчинской экспедиции, которую возглавил Ф. И. Соимонов. Ее целью было выяснение возможностей плавания по Амуру для снабжения морских портов на Тихом океане. Были проведены работы по восстановлению крепостных сооружений города. Севернее старой крепости были возведены два земляных бастиона, а в самом городе была открыта навигационная школа. На развитии города негативно сказалось образование в эти годы Нерчинского горного округа, принадлежавшего Кабинету. В 1765 г. по указу Екатерины II все крестьянское население Восточного Забайкалья было приписано к Нерчинским заводам, что практически остановило переход какой-либо его части в городское сословие [1, с. 59].

Развитие города осложнялось постоянными разливами реки, что приводило к проседанию почвы, разрушению и порче домов. «Все здешние как казенные, так и партикулярные строения, – доносил в 1790-х гг. областной начальник П. П. Панкратов, – так ветхи и гнилы, а многие из последних уже и без крыши, что неминуемо скорому падению они подвержены... По сей то самой причине, как весьма вероятно, и пришел теперь сей город в такое опустение, что всякая деревня красивее и лучше его, ибо не только нового никто строить не хочет, но и старого починивать всякий опасается, боясь подвергнуть себя поспрашному убытку, если оное снесет или подмоет» [19, с. 23]. Местные власти неоднократно ставили вопрос о переносе Нерчинска на другое место. Наконец, в 1805 г. было получено разрешение на перенос, и с 1812 г. начинается его официальное существование на новом месте. Уже к 1830-м гг. в новом городе проживало до 3,8 тыс. обывателей и насчитывалось 459 строений, из которых каменными были лишь одна церковь, гостиный двор, да пять частных зданий [ОР РНБ. Ф. 883. Бумаги Элпидова. Т. 2. Л. 136]. Старый город к этому времени совсем запустел. Здесь оставались всего несколько домов, да старая полуразвалившаяся каменная церковь.

Расположенный на окраине Иркутской губернии вдали от оживленных торговых путей, Нерчинск развивался крайне медленно. В 1823 г. в городе насчитывалось всего 288 домов, к 1840 г. их число возросло до 411. Заметным событием в жизни города стало строительство на средства купцов и мещан в 1845 г. нового каменного гостиного двора «приятной архитектуры». Открытие его сопровождалось пышными торжествами, закончившимися китайским фейерверком. В честь праздника были собраны по подписке до 200 руб. «на устройство развалившихся хижин самых бедных городских жителей» [19, с. 28]. В городе действительно находилось много ветхих, полуразвалившихся строений. В 1838 г. при освидетельствовании городской недвижимости 118 домов, т. е. третья часть всего жилья, были оценены дешевле 25 руб. [18, с. 136].

Некоторое оживление экономической и общественной жизни в Нерчинске происходит в конце 1840-х гг. в связи с присоединением к России амурского бассейна. Став своеобразными воротами на Амур, город даже пытался

претендовать на статус столицы Забайкалья. Но и здесь сыграло свою роль неудачное местоположение. С 1851 г. центром Забайкальской области была определена Чита, а роль перевалочной базы снабжения и колонизации новых территорий на Амуре отошла к Сретенской станице. Случай с Читой – яркий пример бюрократического решения вопроса. Несмотря на то, что в Забайкалье находились такие города, как Верхнеудинск и Нерчинск, имевшие достаточно развитую городскую инфраструктуру и экономику, губернская власть остановила свой выбор на Чите, которая была всего лишь крупным волостным центром, но географически находилась почти в центре Забайкалья. Решение свое забайкальские власти объясняли очень просто, и в то же время показательно, считая, что «экономическое значение известного пункта и удобство его, как административного центра, далеко не одно и то же» [ГАИО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 41. Л. 19]. С приданием Чите статуса областного центра начинается пусть и медленно, но рост города. Уже в 1850 г. сюда был переведен из Красноярска сибирский линейный батальон, а с открытием области были созданы административные органы управления. Для привлечения податного городского населения в новый областной центр Чите были дарованы льготы в платеже податей и повинностей на 10 лет. В течение трех лет жителей вообще освобождали от налогов, а в последующие годы устанавливали половинный оклад. В результате, к концу XIX в. население города возросло в 17 раз и составило 11,5 тыс. жителей [9, с. 171].

Одно из самых ранних городских поселений – Илимский острог – возник на севере Байкальской Сибири в районе Ленского волока в середине XVII в. В течение столетия Илимск играл важную роль транспортного узла, через который шли основные грузопотоки и переселенцы на Лену и в Якутию. В экономическом отношении он представлял собой модель города, присущую именно эпохе первоначального освоения Сибири. Как правильно писал В. И. Шунков, «своим значением Илимск был обязан расположением у волока с Енисейской стороны на Лену» [25, с. 98]. В дальнейшем, однако, рост других городских поселений, и прежде всего Иркутска, развитие земледелия на Лене и в Забайкалье и, как следствие, формирование местных аграрных и торгово-промышленных рынков, изменение путей сообщения привели к тому, что Илимск во второй половине XVIII в. перешел в разряд «малых» городов, обслуживающих в основном пределы своего уезда и округа. Его функции административного уездного центра были перенесены в Киренский острог, который с 1775 г. начинает играть заметную роль в экономической жизни края.

Судьбы Илимска и Киренска вполне характерны для малых городских поселений Сибири. Темпы их развития, динамика населения и его социальный состав, особенности хозяйственной деятельности во многом зависели не от их роли в экономической структуре региона, а от решений сибирских и российских властей, наделяющих то или иное поселение административными правами и, тем самым, ускоряющих их становление в роли городских центров. Заметную роль в развитии Киренска сыграло то, что он был важным промысловым и транспортным пунктом в транзитной торговле ленского бассейна. Ленская сплавная ярмарка определила ряд особенностей экономиче-

ского развития края. Специализация сплавной ярмарки на скупке ленской и якутской пушнины привела к тому, что промыслово-предпринимательская деятельность заняла ведущее место в экономике города и уезда. Становление Киренска в этом плане шло интенсивнее, чем земледельческая колонизация. Почти полное отсутствие ремесла и промышленности лишь подчеркивало однобокую специализацию города. Но как отмечают исследователи малого города, «будучи главным, путь индустриализации не является ни единственным, ни даже основным не только для целого ряда конкретных городов, но и для определенных типов городов в целом» [11, с. 22].

Внешний вид малых городов региона менялся крайне медленно. Все они были небольшими, деревянными поселениями с населением в несколько сотен жителей. Жилая застройка в них мало чем отличалась от деревенских усадеб. Приметами города служили лишь церкви, кое-где каменные, да несколько торговых лавок и казенных строений. Даже то, что некоторые из них (Киренск, Баргузин, Нижнеудинск, Сретенск, Доронинск) на какое-то время становились уездными центрами, почти не сказывалось на их развитии. Так, Нижнеудинск, получивший в 1783 г. статус города благодаря тому, что таковым перестал быть Балаганск, вплоть до середины XIX в. оставался одним из самых небольших городов края. Он был настолько мал, что даже присутственные места находились в основном в расположенной на другом берегу Подгородной слободе. Несмотря на то, что в городе были построены деревянный гостиный двор и мещанские ряды, учреждены базарные дни, центром деловой активности была Подгородная слобода, лежащая на Московском тракте. «Соперничество Подгородноудинской слободы, – отмечали официальные источники, – подрывает выгоды города. В селении этом сосредоточилась вся промышленность и торговля» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1051. Л. 52 об.]. При этом если город почти не развивался, то динамика застройки слободы просто впечатляет. В 1811 г. в Нижнеудинске насчитывалось всего 74 жилых построек, а в слободе более 130. Спустя полвека город занимал в длину менее одной версты на правом берегу Уды, имея всего три улицы и 118 деревянных домов. Напротив него раскинулась на 2,5 версты слобода, в которой находилось почти 300 частных домов [17, с. 5–6]. В первой половине XIX в. неоднократно делались предложения присоединить слободу к городу, но только указ Сената от 12 февраля 1851 г. официально объединил поселения на двух берегах Уды в один город. Присоединение хозяйственно развитой слободы придало Нижнеудинску необходимый социально-экономический потенциал и содействовало его развитию как уездного города. Показательна динамика роста его населения. Если в 1840-х гг. в городе проживало 800 жителей, то к 1860 г. их количество возросло почти в 6 раз и составило 4689 человек. В конце же XIX в. население города выросло до 5725 чел., проживавших в 782 домах [26, с. 46].

Наряду с поселениями, получившими официальный статус города, на территории Байкальской Сибири насчитывалось немало острогов, которые по своим функциям и составу населения более соответствовали городским, нежели сельским поселениям. По существу, они представляли собой переходное состояние между собственно сельским и городским населенным пунктом

и играли заметную роль в формировании урбанистической среды региона. Возникнув как сугубо военные крепости, они имели определенные возможности перерасти в малые городские поселения. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, мещане, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1775 г. посадское население острогов насчитывало более 2 тыс. человек, что составляло 32,6 % всего торгово-промышленного населения юга Восточной Сибири [20, с. 23–32]. Ильинский острог в Забайкалье по численности населения уступал только Иркутску. Всего же на территории Байкальской Сибири числилось 22 сельских населенных пункта с посадским населением, в том числе 14 острогов. Некоторые из них (Киренск, Верхоленск, Балаганск, Баргузин, Чита, Сретенск, Доронинск) были преобразованы в города пусть даже и на короткое время, но основная их масса постепенно все более превращалась в сельские поселения.

В северо-западных уездах Иркутской губернии заметную роль сыграли остроги, находящиеся на пересечении водных путей. Так, от Братского острога расходились пути в Забайкалье и на Енисей, через Ленский волок в Якутию. Здесь существовала судоверфь, было развито железоделательное и кузнечное производства. Заметную роль на Лене в качестве транспортных и хозяйственных центров играли Усть-Кутский и Чечуйский остроги. Усть-Кут был не только важнейшей ленской пристанью, где сосредотачивались грузы, шедшие с Илима и верховий Лены, но и крупнейшим центром солеварения. Другим значительным поселением был Чечуйский острог, стоявший на важном транспортном волоке с Нижней Тунгуски на Лену.

В Верхнеудинском уезде наиболее крупными были Кабанский, Ильинский и Итанцинский остроги. Возникнув как сугубо военные крепости, они имели определенные возможности перерасти в малые городские поселения. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. По данным верхнеудинского городского управления, в 1792 г. в этих острогах числилось 356 купцов, мещан и цеховых, что составляло почти 29 % всего торгово-промышленного населения Верхнеудинского уезда [НАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2122. Л. 1об.]. Однако строительство Кяхты, развитие Нерчинских горных заводов и связанных с ними поселений, изменение путей сообщения привели к тому, что эти «городские» функции забайкальских острогов не смогли развиваться, и они в демографическом и в хозяйственном отношении сформировались как сугубо сельские населенные пункты, сохранив, однако, за собой функции административно-хозяйственных центров деревенской округи. Следует отметить также, что развитие рыночных отношений оказывало заметное влияние и на инфраструктуру сельских поселений региона. Речь идет, конечно, о крупных селах, ставших узловыми транспортными или торговыми центрами. Например, ряд больших и богатых сел, расположенных вдоль Московского тракта, «особенно поражал своим городским характером» [22, с. 78]. Население таких селений, как Тулунское и Куйтунское, превышало две тысячи человек. Более трех с половиной тысяч

числилось в Тельме. В этих селах проходили оживленные торги, были десятки магазинов, лавок, небольших промышленных заведений, трактиров и постоянных дворов. Так, по сведениям П. А. Ровинского, в Тулуне находилось до 40 кабаков [22, с. 78]. В этих селах уже в середине XIX в. появились каменные здания и некоторые другие элементы городского обустройства. «Замечательно, – восхищался один из путешественников, – что села Иркутской губернии, от Черемховой, украшены деревянными тротуарами, а с Кимильтейского селения даже довольно кокетливо, с тумбами» [3, с. 31].

Анализ городских поселений Байкальской Сибири будет не полон, если обойти молчанием поселки, возникшие вокруг казенных заводов и предприятий кабинетского ведомства в Нерчинском крае. Специфика и особенности правового и экономического статуса подобных поселений и городов в сибирском городоведении рассматривались только для поселений Алтайского горного округа [5]. Как полагают некоторые исследователи, «горнозаводские поселки отчасти сами выполняли роль городов» [23, с. 33]. Конечно, поселения при горнодобывающих заводах не могли быть идентичны городу, так как не имели соответствующего юридического статуса. Кроме того, значительная часть их населения состояла из людей подневольного состояния – ссыльных мастеровых и каторжан. В то же время в таких поселениях концентрировалось большое количество людей, занятых в обслуживании производства и фактически оторванных от сельскохозяйственных операций. Если к ним добавить представителей администрации, охрану и технический персонал, то социальный состав поселения окажется несравненно более сложным и многофункциональным, нежели в любом самом многочисленном селе. Так же как и города, поселки при горных заводах притягивали к себе окрестное крестьянство, представляя возможности для заработка и для сбыта сельскохозяйственной продукции. Уже в конце XVIII в. при таких заводских поселениях появляются собственные предпринимательские слои, из которых, в частности, вышли такие представители капитала, как купцы Кандинские, державшие в своих руках все восточное Забайкалье. В середине XIX в. Ю. А. Гагемейстер отмечал, что базары большого Нерчинского и Шилкинского заводов превосходили ассортиментом и оборотом уездный город Нерчинск. Всего же в этих заводских поселках насчитывалось около 4,5 тыс. жителей [4, с. 186].

Следует отметить, что городообразовательные процессы в таких специфических территориях, как горные округа, находящиеся в ведении кабинетского управления, во многом зависели от позиции и задач Горного ведомства. Не только хозяйственная, но и вообще вся административно-общественная жизнь подобных поселений была жестко регламентирована. В результате из заводских поселений в города были преобразованы лишь единицы. Пример Барнаула или Колывани был скорее исключением из правил. Предпринимательские круги большого Нерчинского завода в 1873 г. обращались с ходатайством о преобразовании заводского поселения в город. После длительной переписки с министерством императорского двора рассмотрение вопроса в итоге было передано местному Горному совету, который посчитал, что отвод земельных участков под усадебные и выгонные земли будущего города нане-

сет ущерб интересам Кабинета [ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 10]. Также неудачно закончилась в 1895 г. повторная попытка жителей Нерчинского завода получить городской статус. На этот раз власти кроме земельного вопроса посчитали, что в условиях роста городских поселений на Амуре и Читы и Сретенска в Забайкалье создание еще одного города в регионе будет нецелесообразным и нежелательным для кабинетного ведомства [ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 14 об.]. При этом была высказана вполне справедливая мысль, что механическое переименование поселка в город таким его еще не делает. «Если согласиться с тем, – отмечалось в документе, – что в условиях только переименования селения в город лежит причина процветания и развития городов, то почему такие города в Забайкальской области, как Баргузин, Селенгинск и Акша, существующие десятки лет, заметно падают... Ясно, что тут дело не в искусственном создании городов, а в естественных условиях, благоприятствующих экономическому развитию данной местности» [ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 14].

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода в Байкальской Сибири шли урбанизационные процессы, приведшие к созданию разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков. Определяющим для их развития стала специализация на промысловых и обменных операциях, а также формирование торгово-промышленного населения. «Для страны колонизируемой, – справедливо замечал Д. Я. Резун, – какой являлась Сибирь в XVII–XIX вв., главным двигателем городского развития все же выступала торговля, которая успешно справлялась со своей градообразующей и регулирующей функцией не только тогда, когда уровень развития городского производства был еще недостаточным, но и тогда, когда города Сибири вышли на “мануфактурно-промышленную” стадию развития» [21, с. 6].

Новый облик города, значительные изменения, произошедшие за XVIII век в социально-экономической и культурной жизни Иркутска, оказали заметное влияние на развитие потребительского рынка и бытовую культуру горожан. Еще в середине века город ничем не напоминал столицу Сибири. Дома были скромные, без украшений и обстановки, жители ходили в простых русских одеждах, хотя и сшитых из-за дешевизны из китайского материала. Нравы и быт были патриархальными. В конце же XVIII в. путешественники и бытописатели дружно отмечают европейский уклад жизни горожан, связанный с новой планировкой города и жилых зданий, его торговой специализацией, одеждой и украшениями, времяпрепровождением, тягой к культуре. Еще более разительные перемены в губернском центре происходят в XIX столетии, придавая ему столичную элегантность и лоск.

Изменения в других городах Иркутской губернии были не столь показательны. Пожалуй, только Верхнеудинск и Троицкосавск с торговой слободой Кяхтой, где заметно преобладала торговая сфера, в целом соответствовали новым тенденциям организации городского пространства. Очень низкими темпами развития отличались уездные Нерчинск, Нижнеудинск, Киренск и другие малые города региона. Практически все города региона в той или

иной степени сохраняли сельский вид. Связан он был в основном с хозяйственными занятиями городского населения, многие из которых имели огороды, пашни, держали скот и домашнюю птицу. Все это требовало наличия хозяйственных сооружений, амбаров, конюшен, стаек. Конечно, все это более было характерно для окраин и предместий городов, но и в центральных кварталах было немало замкнутых усадебных комплексов. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых «сельских» городов региона отличался от облика крестьянских поселений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, лавочно-магазинной торговли и производственно-потребительских интересов городского населения.

1. *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев. – Владивосток, 1999.

2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М., 1990. – Т. 2 : Игры обмена.

3. Описание пути от Иркутска до Москвы. – М., 1851. – Подп.: *В. П.*

4. *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – СПб., 1854. – Т. 2.

5. Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986; Борблик Е. М. Город в горнозаводском ведомстве Западной Сибири в XVIII – первой трети XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков. – Иркутск, 1998. – Вып. 1.

6. *Жиров А. А.* Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в центральной России и Сибири. – Барнаул, 2005.

7. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. – Иркутск, 2002.

8. Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1883.

9. *Константинов А. В.* История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Чита, 2002.

10. *Корнилов П. Н.* Замечания о Сибири / П. Н. Корнилов. – СПб., 1828.

1. *Artemiev A. R.* Cities and fortresses in Trans-Baikal and Amur river region in the second half of the XVII–XVIII c. / A. R. Artemiev. – Vladivostok, 1999.

2. *Brodel F.* Material civilization, economics and capitalism in the XV–XVII c. / F. Brodel. – M., 1990. V. 2: Games of exchange.

3. Description of journey from Irkutsk to Moscow. – M., 1851. – V. P.

4. *Gaguemester Yu.* Statistical survey of Siberia. – SPb., 1854. – V. 2.

5. Cities of Altai (feudalism and capitalism epoch). Barnaul, 1986; Borblik E.M. City in the metallurgical area of Western Siberia in XVIII – the first third of the XIX c. // Siberian city in XVIII – early XX c. – Irkutsk, 1998. Issue. 1.

6. *Zhirov A. A.* Merchant suburb in Kyakhta and its citizens (fragments of daily life history) // Urbanization processes in Central Russia and Siberia. – Barnaul, 2005.

7. Irkutsk in the centuries' prospect: city history essays. – Irkutsk, 2002.

8. Irkutsk. Materials of city history in XVII–XVIII c. – M., 1883.

9. *Konstantinov A. V.* Trans-Baikal history (from the ancient time up to 1917) / A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova. – Chita, 2002.

10. *Kornilov P. N.* Remarks on Siberia / P. N. Kornilov. – SPb., 1828.

11. Small city. Townlet. Social-demographical survey of a small city. – M., 1972.

12. *Minert L. K.* Architectural monuments of Buryatia / L. K. Minert. – Novosibirsk, 1983.

11. Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. – М., 1972.
12. *Минерт Л. К.* Памятники архитектуры Бурятии / Л. К. Минерт. – Новосибирск, 1983.
13. *Минерт Л. К.* Два памятника архитектуры города Троицкосавска – Кяхты // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. – Новосибирск, 1994.
14. *Миронов Б. Н.* Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы историографии. – Л., 1983.
15. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Л., 1990.
16. Описание Иркутского наместничества 1792 года. – Новосибирск, 1988.
17. Описание города Нижнеудинска // ЖМВД. – 1860. – № 7, ч. 43.
18. *Паршин В.* Поездка в Забайкальский край / В. Паршин. – М., 1844.
19. *Петряев Е. Д.* Нерчинск. Очерки культуры прошлого / Е. Д. Петряев. – Чита, 1959.
20. ПСЗРИ. – Т. XX. – № 14242.
21. *Резун Д. Я.* О некоторых проблемах современной сибирской исторической урбанистики // Сибирский город XVIII – начала XX века. – Иркутск, 1998. Вып. 1.
22. *Ровинский П. А.* Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. – 1875. – № 1.
23. *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М., 1958.
24. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России // Записки ИРГО. – СПб., 1910. – Т. X. Вып. 2.
25. *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век) / В. И. Шунков. – М., 1956.
26. Энциклопедический словарь. – СПб., 1897. Т. 21.
13. *Minert L. K.* Two architectural monuments of Troitskosavsk- Kyakhtha // Urban culture of Siberia: history, monuments, citizens. – Novosibirsk, 1994.
14. *Mironov B. N.* Controversial and little-studied issues of history of Russian late feudal city in contemporary soviet historiography // Genesis and expansion of feudalism in Russia: issues of historiography. – L., 1983.
15. *Mironov B. N.* Russian city in 1740–1860-s: demographical, social and economic development / B. N. Mironov. – L., 1990.
16. Description of the Irkutsk region ruled by Governor-General in 1792. – Novosibirsk, 1988.
17. Description of Nizhneudinsk // Journal of the Ministry of Internal Affairs of Russian Empire. – 1860. 37 July. – Part 43. Section VI.
18. *Parshin V.* Journey to the Trans-Baikal region / V. Parshin. – M., 1844.
19. *Petriayev E. D.* Nerchinsk. Essays on historical heritage / E. D. Petriayev. – Chita, 1959.
20. Complete set of Laws of Russian Empire. V. XX. N 14242.
21. *Rezun D. Ya.* On some problems of modern Siberian historical urban studies // Siberian city in the XVIII – early XX c. – Irkutsk, 1998. Issue 1.
22. *Rovinskiy P. A.* Essays on Eastern Siberia // Ancient and modern Russia. – 1875. – N 1.
23. *Ryndzuskij P. G.* Citizenship in the pre-reform Russia / P. G. Ryndzuskij. – M., 1958.
24. *Semenov-Tian-Shanskiy V. P.* City and village in European Russia // Memoirs of Imperial Geographical Society. – SPb., 1910. V. X. Issue 2.
25. *Shunkov V. I.* Essays on history of agriculture in Siberia (the XVII c) / V. I. Shunkov. – M., 1956.
26. Encyclopedia. – SPb., 1897. V. 21.

Urbanized Areas Formation in the Baikal Siberia within the Context of Peculiarities of Urbanization in Siberia

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article deals with the problems of urbanized areas formation in the Baikal Siberia. It considers the history of the first Russian cities and fortresses and points out the reasons of their further extension. The article analyses the formal cities and urbanized areas rate: fortress, suburban areas and factories' communities, as well as their relationship with rural districts.

Key words: urbanization, Baikal Siberia, urbanized areas, fortresses.

Шахеров Вадим Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, 8(3952)240522, e-mail: wodalis@yandex.ru

Shaherov Vadim Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1, 8(3952)240522, e-mail: wodalis@yandex.ru